

В.А. АВКСЕНТЬЕВ, Б.В. АКСЮМОВ, Г.Д. ГРИЦЕНКО*
**ЭТНИЧНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ:
ЭТНИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИЗАЦИЯ
ЭТНИЧНОСТИ¹**

Аннотация. В статье проведен анализ определений и концепции этнополитического конфликта и показана его противоречивая природа. Этнополитический конфликт может функционировать как «этнизированный» политический конфликт и как политически оформленный этнический конфликт. Этнополитические конфликты, обычно возникающие как конфликты интересов, как продукт этнического антрепренерства, чаще всего дрейфуют в сторону конфликта идентичностей. Именно поэтому этнополитические конфликты относятся к наиболее трудноразрешимым типам конфликтов, иные из них превращаются в затяжные конфликты, разрушительные в своих проявлениях и последствиях. В статье рассматриваются рискогенные аспекты взаимодействия этнических и политических факторов развития общества, приводящие к этнизации политики и политизации этничности, и показано, что предпосылкой и важнейшим фактором генезиса этнополитических конфликтов является политизация этничности. Процесс политизации этничности обусловлен объективно сложившейся в определенном социуме

* **Авксентьев Виктор Анатольевич**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, ФИЦ Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: avksentiev@ Rambler.ru; **Аксюмов Борис Владимирович**, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Россия), e-mail: aksbor@mail.ru; **Гриценко Галина Дмитриевна**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, ФИЦ Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: dissovets@ Rambler.ru

¹ Публикация подготовлена в рамках научного проекта «Тенденции этнизации / деэтнизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе», грант РФФИ № 20–011–00132.

© Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В.,
Гриценко Г.Д., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.03.04

или регионе этнополитической напряженностью, но нередко главным фактором этого процесса становится целенаправленная деятельность этнических антрепренеров, использующих благоприятные для них условия и сознательно наращивающих уровень напряженности. В статье рассмотрены теоретические и методологические аспекты политизации этничности и этнизации политики, анализируются ключевые зарубежные и отечественные подходы в изучении феномена политизации этничности и его воздействия на социальные процессы в целом. Отмечается, что большинство авторов видят в основном негативные последствия политизации этничности, хотя ряд исследователей указывают на функциональность этничности для политических систем регионов, в которых существуют давние и прочные традиции соединения политики и этничности.

Ключевые слова: этнополитический конфликт; политизация этничности; этнизация политики; конфликт идентичностей; этническое антрепренерство; антиконфликтогенный менеджмент.

Для цитирования: Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 74–97. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>

Этнополитический конфликт: проблемы идентификации

Эпоха холодной войны на долгое время превратила идеологические рамки интерпретации противоречий в основной объяснительный принцип глобальных и региональных конфликтов. Даже те конфликты, в которых очевидными были этнические или профессиональные компоненты (вроде арабо-израильского), трактовались с учетом глобального противостояния между идеологиями капитализма и коммунизма. Однако появление феномена, получившего название «этническое возрождение», не позволяло и далее игнорировать либо в лучшем случае затушевывать резкое повышение роли этничности в социальных процессах. Одними из первых обратили внимание на «проснувшуюся» этничность Н. Глейзер и Д. Мойнихен, еще в середине 1970-х годов констатируя, что в качестве мощной политической идеи и мобилизующего принципа этничность приобрела весьма широкое распространение [Glazer, Moynihan, 1975, p. 18–19]. Однако следует отметить, что на самом деле этничность как мощная социальная сила, в том числе как источник конфликта, никогда не «засыпала». Игнорирование или недооценка этничности как источника конфликтных взаимодействий были связаны с господствовавшими

интерпретационными моделями, выдвигавшими на первый план конфликты интересов. В советской науке эта модель в виде классового подхода сохраняла влияние до 1980-х годов, в связи с чем изучение этнических, конфессиональных и других макросоциальных конфликтов началось в нашей стране только после распада Советского Союза.

Сам распад СССР, носивший ярко выраженный этногенный характер, а также серьезнейшие проблемы, с которыми столкнулось новое российское государство во взаимоотношениях с «национальными» регионами, недвусмысленно указали на существенную роль этничности в развитии постсоветского российского общества. Настоящий бум политизации этничности, пришедшийся на 1990-е годы, вместившие две войны в Чечне, волну сепаратистских настроений, эксплицировал не только проблему «проснувшейся» этничности, но и сделал очевидной ее связь с политикой. Наряду с уже имевшимися понятиями этнического и политического конфликтов возникла необходимость в разработке и инструментализации понятия этнополитического конфликта.

Как правило, в российской науке этнополитический конфликт так или иначе определяется через понятие этнического конфликта. Например, В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев утверждают, что «любой этнический конфликт одновременно является этнополитическим» [Тишков, Шабаев, 2011, с. 191; см. также: Ачкасов, 2013, с. 45]. При этом этнический конфликт определяется ими как форма «гражданского противостояния на внутригосударственном или трансгосударственном уровне, при котором хотя бы одна из сторон организуется и действует по этническому признаку или от имени этнической общности». В то же время этнополитический конфликт – это «борьба различных социальных групп, которые организуются по этническому принципу, и этот принцип становится основанием их идеологического и политического противостояния» [Тишков, Шабаев, 2011, с. 193]. По определению А.-Х.А. Султыгова, «этнополитический конфликт является особой разновидностью этнического конфликта, обусловленной политическим, экономическим, социокультурным, территориальным неравенством этносов или их дискриминацией по названным основаниям, которая характеризуется столкновением интересов этнических групп, этнической группы и государства по поводу повышения или опасений утраты имеющегося статуса этноса, его

частичного или полного самоопределения» [Султыгов, 2006, с. 12]. По мнению А.М. Мурадова и З.М. Алиевой, «этнополитические конфликты также можно назвать межэтническими или межнациональными» [Мурадов, Алиева, 2019, с. 111].

В приведенных определениях и трактовках этнополитического конфликта конфликтообразующим фактором является этничность: либо этнический конфликт постепенно трансформируется в этнополитический, либо имеющиеся этнические противоречия приобретают характер политического противостояния или борьбы за реализацию определенных политических интересов. Вместе с тем встречаются и такие определения этнополитического конфликта, в которых главным содержанием описываемого противостояния выступают политические противоречия, уже затем опирающиеся на этнические различия, когда происходит использование этих различий в целях политической мобилизации.

Среди трактовок этнополитического конфликта необходимо выделить трактовки, основанные на субъектно-деятельностном подходе – одном из основополагающих в конфликтологии. Согласно А.Р. Аклаеву, «этнополитические конфликты представляют собой столкновение субъектов политики в их стремлении реализовать свои интересы и ценности, связанные с достижением или перераспределением политической власти, определением ее символов, а также группового политического статуса и приоритетов государственной политики, в которых этнические различия становятся принципом политической мобилизации, и по крайней мере одним из субъектов является этническая группа» [Аклаев, 2008, с. 25].

При анализе имеющихся в научной литературе определений и интерпретаций этнополитического конфликта мы сталкиваемся с первой важной проблемой, препятствующей четкой идентификации этого феномена. Само наименование подобного конфликта указывает на тесную переплетенность в нем этнических и политических компонентов, характер взаимосвязанности которых часто не поддается четкому определению. Почти всегда очень трудно, а порой и невозможно установить, какой именно фактор – политический или этнический – стал главным в генезисе этнополитического конфликта. Кроме того, необходимо учитывать еще одну сложность, отмеченную В.А. Тишковым: в одних случаях этничность становится прикрытием для политической борьбы, а в дру-

гих случаях, наоборот, политические лозунги и риторика маскируют серьезные межэтнические противоречия [Тишков, 1992, с. 25–26].

Одним из авторов настоящего исследования было предложено «различать этнополитический конфликт как тип политического конфликта и как тип этнического конфликта, хотя четкой границы между ними не существует. В первом случае этнический конфликт выступает как форма политического по содержанию конфликта, во втором – как содержание конфликта, которое приобретает политическое оформление. Зачастую эти два подтипа этнополитического конфликта представляют собой стадии эволюции одного многофакторного конфликта: на первой стадии политические элиты используют этнический фактор как средство в политической борьбе, после чего борьба между этническими группами из средства перерастает на второй стадии уже в содержание конфликта. Но возможен и обратный процесс: этнический конфликт развивается из отдельных локальных очагов этнической напряженности, не имея первоначально существенного политического оформления, и постепенно происходит политическая институционализация этого конфликта» [Авксентьев, 2001, с. 203].

Вторая важная проблема, возникающая при попытках аналитической идентификации этнополитического конфликта, связана с традиционной конфликтологической дихотомией «конфликт интересов – конфликт идентичностей». Можно допустить, что политические компоненты этнополитического конфликта символизируют его относительную рациональность, которая указывает на его связь с конфликтом интересов, т.е. с достижением практических политических, экономических и в целом материальных целей. Этнические компоненты этнополитического конфликта изначально иррациональны, они имеют преимущественно эмоциональную основу, апеллируют к защите культурных ценностей и отстаиванию групповой идентичности. Следовательно, этнополитический конфликт эволюционирует в двух направлениях: либо он рационализируется по мере нарастания степени политической институционализации, либо, наоборот, иррационализируется по мере возрастания этнического фактора и расширения дискурса о ценностях и идентичности. В этом смысле можно утверждать, что наиболее предпочтительной траекторией трансформации этнополитического конфликта как управленческой тактики является его рационализация, поскольку в таком случае повышается вероятность конструк-

тивного урегулирования конфликта, минимизации негативных последствий для этнополитической системы.

Рационализировать этнополитические конфликты, перевести их из плоскости конфликтов идентичностей в плоскость конфликта интересов удается далеко не всегда. По этой причине этнополитические конфликты относятся к категории наиболее трудноразрешимых и по этой же причине в современной мировой этнополитологии преобладает понимание этнополитических конфликтов в первую очередь как конфликтов идентичностей. Так, по мнению Т. Гурра, «борьба в этнополитических конфликтах разворачивается не просто вокруг материальных или властных проблем, но ради защиты культуры группы, ее статуса и идентичности» [Gurr, 1997, p. 10]. Согласно В.А. Ачкасову, «этнополитические конфликты являются не только и не столько конфликтами интересов, сколько конфликтами идентичностей, так как участие в конфликте преимущественно на основе групповых мотивов обязательно предполагает отождествление человека с группой, участвующей в конфликте, его этническую идентификацию... Очень часто в основе этнополитического конфликта лежит некое иррациональное начало, кроющееся в культурных стереотипах, неудовлетворенных (мнимых и реальных) исторических обидах, мифологизированных представлениях друг о друге...» [Ачкасов, 2013, с. 50, 52].

Ряд исследователей считают аксиологическую иррационализацию социального противостояния главным признаком генезиса конфликта в качестве этнополитического: «Конфликт мгновенно приобретает этнополитический характер, если в любом конфликте по поводу любых ценностей одна из сторон переходит на иррациональную, по сути, платформу, заявляя, что истинным источником конфликта являются не некие материальные ресурсы, а идентификационные ценности» [Калинина, Мухудадаев, Сморгунова, 2017, с. 14]. В.В. Лапкин и В.И. Пантин остроту и сложность этнополитических конфликтов объясняют тем, что «они являются конфликтами не только интересов, но и различных систем ценностей, различных мировоззрений» [Лапкин, Пантин, 2016, с. 92]. Согласно В.А. Тишкову и Ю.П. Шабаеву, «рациональные политические механизмы урегулирования нередко оказываются неэффективными потому, что в основе конфликта лежит некое иррациональное начало, кроющееся в культурных стереотипах, неудовлетворенных

исторических обидах, мифологизированных представлениях и т.п.» [Тишков, Шабаев, 2011, с. 205].

Следует признать, что «борьба идентичностей» является существенной составной частью этнополитического конфликта, хотя полностью сводить этнополитические конфликты к конфликтам идентичностей, разумеется, не следует. Корректнее говорить о том, что этнополитический конфликт может существовать в двух режимах – как конфликт интересов и как конфликт идентичностей. В зависимости от степени рационализации / иррационализации, преобладания политических или этнических мотивов, оформления дискурса о конфликте в СМИ, а также среди самих участников этнополитический конфликт меняет режим своего существования. С учетом опыта анализа конфликтов, которые обозначаются исследователями как этнополитические, можно утверждать, что режим конфликта идентичностей в подобных конфликтах более выражен и в большей степени определяет их развитие, что также указывает на преобладание в них этнического (эмоционального, иррационального) компонента.

Конфликт идентичностей нами определяется как «конфликт между социальными субъектами, воспринимающими конфликтную ситуацию как угрожающую собственной групповой целостности, а противоположную сторону – как источник угрозы собственной идентичности» [Авксентьев, 2003, с. 8]. Переход в рамках протекания этнополитического конфликта к режиму конфликта идентичностей или его усиление связаны с этнической (этнополитической) мобилизацией [Ачкасов, 2014]. Главная задача этнической мобилизации – трансформация конфликта интересов в конфликт ценностей (идентичностей). Подобная трансформация конфликта делает его особенно взрывоопасным и повышает риски применения вооруженной силы. По утверждению М. Тофта, возможность «перерастания этнического конфликта в вооруженное противостояние с центральной властью в два раза выше, чем подобная вероятность для иных типов внутренних конфликтов. А шансы, что внутренний конфликт перерастет в обычную, т.е. межгосударственную, войну, в четыре раза выше для этнических конфликтов» [цит. по: Ачкасов, 2013, с. 52].

Для идентификации этнического конфликта наиболее важны дискурсивные самоописательные характеристики. «Поскольку любой социальный конфликт – это деятельность групп людей или

отдельных лиц, идентифицирующих себя как представителей конфликтующей группы, важно выявить, как сами участники определяют себя в конфликтном взаимодействии. В случае если они определяют себя и / или противоположную сторону в этнических категориях (используют этнонимы, этнические прозвища, обобщающие признаки), этот конфликт можно считать этническим вне зависимости от причин его возникновения, сферы протекания, масштабов и других характеристик» [Авксентьев, 2013, с. 103]. Дискурсивный фактор самоописания и описания противоположной стороны в определенных терминах весьма важен и для идентификации этнополитического конфликта. Также большое значение имеет наличие объективного этнического (культурного) раскола внутри полиэтничного социума. Поэтому «обозначим этнополитический конфликт как тип социального конфликта, субъекты которого идентифицируют себя, противоположную сторону или друг друга в этнических категориях, и содержанием и / или формой которого является борьба за контроль над государственными институтами. Этнополитический конфликт есть проявление, обнаружение существующего в обществе этнического раскола через механизмы политической деятельности» [Авксентьев, 2001, с. 206].

Политизация этничности, этнизация политики и этническое антрепренерство

Как показали события в России в последние годы (обсуждение предложения о принятии закона о российской нации в 2016–2017 гг., острая реакция в подавляющем большинстве республик на внесение поправок в закон о языке в 2018 г., критический настрой в республиках относительно включения в качестве поправки к Конституции России положения о «языке государствообразующего народа»), этничность продолжает играть значительную роль в общественно-политической жизни страны и периодически выступает линией раскола в конфликтах. Сама по себе этничность не является ни источником, ни фактором конфликта, она превращается в таковую в случае политизации. Поэтому проблемы политизации, деполитизации и реполитизации этничности сохраняют актуальность. Вопросы политизированной этничности причисляются к наиболее трудноразрешимым, несмотря на множество исследова-

ний, научных изысканий в данной области. Достаточно большое число публикаций, появившихся в научной литературе в последнее время, свидетельствует, с одной стороны, о массивной терминологической экспансии «политизации этничности», с другой – о необходимости четкого понимания содержания этой научной дефиниции.

Для осмысления понятия «политизация этничности» целесообразно обратиться к современной методологии. В методологическом отношении зарубежная, особенно американско-британская, этнополитология практически с самого начала своей институционализации двигалась в сторону конструктивистского понимания этничности. Можно сказать, что самоопределение этнополитологии началось с публикации статьи М. Паренти «Этнополитика и жизнеспособность этнических идентификаций» (1967), а завершилось выходом в свет работы Дж. Ротшильда «Этнополитика» (1981). Согласно конструктивистской методологической установке, этнические свойства есть некий сырой материал, который поддается организации и которому можно придать тот или иной смысл теми или иными способами [Гринфельд, 2008, с. 18]. Э. Балибар, поддерживая данную точку зрения, обращает внимание на то, что этнической базой по умолчанию не обладает ни одна нация и что она обретается нациями по мере того, как национализируются их общественные формации, а население в результате включения в эти формации постепенно «этнизруется» [Балибар, 2004, с. 114]. То есть, согласно конструктивистскому подходу, этничность образуется в ходе длительного исторического социального конструирования. В результате объективность этничности (национальности) ставится рядом исследователей под сомнение. Так, согласно Р. Брубейкеру, национальности, по существу, являются «способами восприятия, интерпретации и представления социального мира. Они – не вещи-в-мире, а точки зрения на мир... Они включают этнически ориентированные... нарративы», которые приводятся в действие ситуативными сигналами, доставляемыми не в последнюю очередь средствами массовой информации. И, наконец, они содержат «само собой разумеющееся фоновое знание, воплощенное в людях и встроенное в институциональную рутину и практики, через которые люди опознают и воспринимают предметы, места, лиц, действия и ситуации как этнически, расово или национально окрашенные или значимые» [Брубейкер, 2012, с. 42]. Именно в

ходе этого процесса этничность и приобретает политическое оформление, становится политизированной этничностью.

Понятия «политизированная этничность», «политизация этничности» впервые введены в научный оборот Дж. Ротшильдом в 1981 г. в книге «Этнополитика». С его точки зрения, «политизированная этничность» является важнейшим политическим феноменом современности. Под политизацией этнической идентичности, по мнению Дж. Ротшильда, подразумевается такой «уровень ее мобилизации, в результате которой она превращается из психологической, или культурной, или социальной величины в собственно политическую силу с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп» [Rothschild, 1981, p. 2].

Политизация этничности достигается путем демонстрации функций, выполняемых этнической идентичностью. В результате придается политический характер этнической принадлежности и конституируется этническая природа политики [Leach, Brown, Worden, 2008, p. 758–768]. «Именно этническая принадлежность, – уточняет Э. Балибар, – позволяет видеть в государстве выражение предсуществующего единства, все время соотносить его с “исторической миссией” на службе нации и, следовательно, идеализировать политику» [Балибар, 2004, с. 114].

Как полагают исследователи, политизированная этничность используется «субэлитами» (Дж. Ротшильд) в качестве основы для политических стратегий, борьбы и движений. И здесь, по утверждению Дж. Ротшильда, немаловажен учет политических целей «субэлит» и той тактики, которой в связи с этими целями должно придерживаться государство [Ротшильд, 2000, с. 162–165].

Среди «субэлит» особо необходимо выделить «специалистов по этничности вроде дельцов на ниве этнополитики, которые... могут жить не только “ради” этничности, но и “с” этничностью» [Bourdieu, 1991, p. 220; Бурдьё, 2003, с. 50]. Такое выделение важно, поскольку деятельность специалистов по этничности, или этнических антрепренеров, часто носит, по удачному выражению П. Бурдьё, перформативный характер. Согласно Р. Брубейкеру, употребляемые ими этнически окрашенные «категории нацелены на действие – призваны расшевелить, вызвать, оправдать, мобилизовать, зажечь и придать энергию» этническим группам. Этот социальный процесс обозначается как овеществление этнических

групп, что позволяет трактовать их «как субстанциальные вещи-в-мире» [Брубейкер, 2012, с. 28].

Именно овеществление этнических групп «дельцами от этнополитики», полагают конструктивисты, является основой политизации этничности. Уже само по себе овеществление этнических групп как социальный процесс играет главенствующую роль в практике политизированной этничности, по Р. Брубейкеру. При этом, по мнению сторонников конструктивистского понимания этничности, критика «специалистов по этничности» за овеществление этнических групп – категориальная ошибка, поскольку именно данный социальный процесс является бизнесом «деятелей на ниве этнополитики». И когда этническим антрепренерам удается добиться успеха, по утверждению Р. Брубейкера, политическая фикция единства этнической группы может получить кратковременное, но мощное практическое воплощение в результате реального кристаллирования чувств группы [Брубейкер, 2012, с. 42]. Этнические антрепренеры, будучи сознательно заинтересованными в мобилизации этнической принадлежности, используют, как отмечает А. Божич-Роберсон, такие инструменты политизации этничности, как средства массовой информации и политическая риторика. Максимальная возможность политизации этничности, утверждает исследователь, предоставляется этническим предпринимателям в переходных обществах, в которых политизированная этническая принадлежность становится для них важнейшим принципом политической легитимации [Bozic-Roberson, 2001].

Итак, с точки зрения конструктивистского взгляда на проблемы этничности этничность не есть вещь-в-мире, она конструируется в ходе длительного социального процесса и выступает фоновым знанием о мире, воплощенным в людях и встроенным в этнически значимую практику. В процессе своего функционирования этничность в результате деятельности этнических антрепренеров приобретает политический характер и становится важнейшим политическим феноменом современности. Особенно часто этничность мобилизуется этническими антрепренерами в политически и экономически нестабильных обществах для реализации своих политических целей и стратегий.

Однако политические цели и стратегии могут иметь разную направленность. Анализ современной западной литературы в области этнологии показывает, что большинство авторов говорят о

негативных последствиях политизации этничности. Одной из наиболее значимых за последние пять лет работ по изучению практики использования политизированной этничности является исследование А. Вебера, У. Хирса и А. Флескена, результаты которого описаны в монографии «Политизированная этническая принадлежность. Перспективы в сравнительной политике». Авторами обосновано, что страны, для которых свойственен процесс политизации этничности, характеризуются низкой макроэкономической стабильностью, замедлением темпов роста, неэффективностью управления, ростом коррупции, нестабильностью демократической системы, латентностью и / или реальностью насильственных конфликтов [Weber, Hiers, Flesken, 2016]. Другие аналитики обращают внимание на такое наиболее часто фигурирующее следствие политизации этничности, как этнополитические конфликты [Adediji, 2016]. Провоцируя конфликты во имя этнических групп, антрепренеры тем самым усиливают политическое значение этнической принадлежности и создают групповую солидарность [Maksić, 2017].

Во второй половине XX в., как указывают специалисты в области этнополитики, возникла крайне противоречивая ситуация: с одной стороны, для достижения политических целей, направленных на обеспечение коллективного здоровья этноса, мобилизовался этнический фактор. С другой стороны, в результате использования политизированной этничности значительно возросло число этнических конфликтов, демонстрирующих крайние формы насилия, а также нередко приобретающих неразрешимые формы с кратко- и долгосрочными последствиями для благосостояния местного населения [Pedersen, Kienzler, 2017]. Данные теоретические положения делались на основе сложившегося в зарубежной литературе, посвященной проблематике политизации этничности, своеобразного «пула кейсов» [Bozic-Roberson, 2001; Becker, 2018; Posner, 2005; Adediji, 2016].

Обширный и достаточно противоречивый «пул кейсов» по этнической проблематике накоплен и в Российской Федерации, особенно в Северо-Кавказском регионе. Сохранение на протяжении длительного времени интереса к процессам политизации этничности обусловлено поиском новых объяснительных моделей «манифестирования» этничности в регионе.

Следует иметь в виду, что данная проблематика в современной российской науке, как правило, анализируется в контексте

изучения проблем нациестроительства, формирования российской идентичности, вопросов, связанных с федеративным устройством российского государства. Политизированная этничность нередко рассматривалась как фактор достижения, изменения, закрепления и легитимации правового статуса этнонации в этносоциальной и политико-правовой структуре полиэтничного общества [Романов, 2017]. Это нашло отражение в создании достаточно основательной законодательной базы, регулирующей взаимодействие государства и этнических групп, оформлении доктринальной основы этнополитики [Шабаев, 2015].

Все многообразие теоретико-методологических исследований вопроса о роли и значении политизированной этничности в полиэтничном сообществе, о сущности процесса политизации этничности в политико-государственном устройстве можно разделить на несколько научных направлений.

Первое – это рассмотрение политизированной этничности как функциональной детерминанты, необходимой для эффективного развития этнокультурных регионов, обладающих правом в рамках федерализма на определенную степень политической автономии. С точки зрения сторонников данного направления, например Т.А. Нигматуллиной, политизация этничности в региональных процессах носит объективный характер [Нигматуллина, 2016], и поэтому непризнание значимости этнического фактора в политике приводит к разрушению целостности страны и формированию гражданского неповиновения в обществе [Файзуллин, Файзуллин, 2014]. Для поступательного развития полиэтничных регионов нужны организации, координирующие, интегрирующие интересы всех российских национальностей и культур. Это обусловлено, по мнению Р.Г. Абдулатипова и В.А. Михайлова, также тем, что «все они являются активными субъектами государственной этнонациональной политики. Многие этнонациональные и многонациональные организации, как институты гражданского общества, конструктивно взаимодействуют с органами власти в федеральном центре и на местах. В ряде регионов страны обеспечивается представительство национальностей в органах власти. Более полное представительство национальностей страны в федеральных и в местных органах власти и прежде всего в представительных, законодательных органах – одна из мер обеспечения стабильности многонационального государства» [Абдулатипов, Михайлов, 2014, с. 10].

О необходимости учета этничности при распределении властных позиций в полиэтничных республиках, в том числе Северного Кавказа, говорят и другие исследователи, в частности А.З. Адиев, видя в этом фактор этнополитической стабильности в регионе [Адиев, 2018]. Некоторые исследователи акцентируют внимание на отрицательных последствиях деполитизации этничности. Так, И.М. Сампиев видит угрозу региональной политизированной этничности со стороны макросоциальных проектов, инициируемых федеральным центром. По его мнению, разрабатывается некий «неоимперский проект», который крайне деструктивен для многонационального, многоконфессионального, социокультурно расколотого общества, поскольку в этих условиях подобный подход означает провоцирование конфликта ценностей. Конструкт «российская нация» в гибридном неоимперском проекте, полагает ученый, должен помочь без сопротивления создать «империю» – унитарное и, по сути, русское этнократическое государство [Сампиев, 2017].

Сутью следующего направления в трактовке роли политизированной этничности в современной России является понимание ее как прямой угрозы нациестроительству и целостности российского государства, как причины этнополитических конфликтов, роста экстремизма и сепаратизма. В условиях глобализации и универсализации системы ценностей, как утверждают сторонники данного направления, этнические процессы не затухают, как ранее предполагалось, а, напротив, идеологизируются, что выражается в стремлении этнических групп, не обладающих государственностью, к политическому обособлению и сепаратизму [Сикевич, 2014]. Первоначально политизированная этничность способствовала возникновению национально-культурных движений, что имело позитивную направленность. Однако в настоящее время она сформировалась в деятельную политическую силу и стала орудием борьбы за власть в руках политических элит, инструментом дезинтеграции и роста энтропийных процессов на полиэтничном пространстве России [Скворцов, 2017]. Представители этого направления убеждены, что именно в результате активных усилий этнических антрепренеров – чиновников, политиков, лидеров боевиков, интеллектуалов и т.д. – социально-экономические, этнополитические, конфессиональные и другие различия (реальные или надуманные) и формируемые на этой основе негативные идентич-

ности могут становиться действенным основанием не только для негативного восприятия группами друг друга, но и для их ожесточенного противостояния в ходе этнополитических конфликтов и гражданских войн [Ачкасов, 2015]. По утверждению В.А. Тишкова, «наличие этнонациональных институтов в республиках, сохранение традиционных систем, поддержка и развитие партикулярных этнических культур (литература, народное искусство и ремесло, этнотуризм и другие) поддерживают этническую идентичность среди нерусского населения, придавая ей в ряде ситуаций и случаев первичную значимость. Эта первичность может выливаться в межэтнические противоречия и даже в отторжение общего государства» [Тишков, 2018, с. 5]. Некоторые исследователи полагают, что распространению на Северном Кавказе исламского фундаментализма в немалой степени способствует высокий уровень политизации этничности в регионе, поскольку это ведет к ослаблению общегосударственной и усилению этноконфессиональной идентичности [Козлов, 2017]. Политизация этноконфессиональной идентичности на Северном Кавказе становится одной из угроз региональной стабильности и национальной безопасности на южном направлении.

Далее, следует выделить группу исследователей, которые, отчетливо видя риски политизации этничности, делают акцент на поиске путей снижения рисков и угроз, обусловленных этим процессом. В.А. Тишков главным противовесом этнокультурному центризму считает гражданскую интеграцию, осуществляемую в результате целенаправленных усилий элиты и власти. Подобная интеграция, по его мнению, ведет к формированию общенациональной культуры с ее собственным восприятием существующих ценностей и символов. «Этот процесс опирается на длительный опыт взаимодействия и взаимовлияния представителей разных культур и верований в рамках исторического российского государства: Российской империи, СССР и Российской Федерации» [Тишков, 2018, с. 6]. М.А. Аствацатурова главный барьер на пути возможной политизации этнического фактора в Северо-Кавказском регионе видит в укреплении российской гражданской идентичности [Аствацатурова, 2016]. Этой точки зрения придерживаются и некоторые другие исследователи. Например, Э.А. Паин и С.Ю. Федюнин, отмечая усиление «этнического фактора» в политической жизни России и Северного Кавказа, утверждают, что «для интеграции народов России в единую политическую нацию

необходимо преодолеть конкуренцию идентичностей и найти общие основания для самоидентификации людей со всей страной. Вряд ли можно найти лучшее основание, чем гражданская идентичность в ее связи с гражданскими же практиками: все мы граждане одной страны – Российской Федерации» [Паин, Федюнин, 2017, с. 151]. Формирование гражданской идентичности в качестве важнейшего инструмента деполитизации этничности отмечает также И.С. Семененко [Семененко, 2015]. Кроме того, полагают исследователи, в Северо-Кавказском регионе необходимо идеологически усиливать надэтнический по своему характеру дискурс гражданского равноправия в целях обеспечения примата гражданской идентичности над этнической и религиозной [Аликберов, 2019].

Некоторые ученые делают акцент на культурном понимании современной российской нации, на социокультурной интеграции и видят залог национального единства в формировании и сохранении общей системы ценностей. В настоящее время, по мнению этих исследователей, в частности М.К. Горшкова, в современной России не только сохранила свою устойчивость, но и преобладает ценностно-нормативная система, первоосновой которой является особая роль государства-державы. Державное понимание общества и державная версия патриотизма, согласно социологическим исследованиям, свойственны подавляющему большинству россиян, что проявляется в общности понимания основополагающих норм и ценностей [Горшков, 2017].

Часть этнополитологов полагают, что в современных условиях, с учетом неспособности государственно-гражданской идентичности купировать межэтнические и межконфессиональные противостояния, возникла насущная потребность в таких проектах нациестроительства, которые смогут стать основой для формирования трансэтнической нации-цивилизации и конструирования национально-цивилизационной идентичности в результате консолидации российского общества [Лубский, Посухова, 2016].

Попыткой осуществить перевод этнонациональной проблематики из политического в культурное русло стала утвержденная в 2018 г. новая редакция «Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г.», в которой содержательно, хотя и не терминологически, ставится задача деполитизации этничности. Эти изменения в приоритетах в новой редакции «Стратегии...» далеко не всегда находят понимание и поддержку среди гумани-

тарной интеллигенции в республиках, звучат утверждения, что «Стратегия...» имеет мало отношения к национальной политике, поскольку задача последней – развитие народов России, национальных культур и языков, а не построение интегрированного общества. По мнению ряда исследователей, приоритетным показателем стабильности в регионе остается этнический компонент, определяющий функционирование полиэтничного общества [Хунагов, Шадже, Куква, 2015].

Выводы

В аналитическом плане этнополитические конфликты необходимо рассматривать в контексте этнизации политики и политизации этничности. Именно политизированная этничность является базой для превращения этнических различий в конфликтогенный фактор. Особенностью современных этнополитологических исследований является повышенное внимание к социокультурным, ценностным компонентам этнополитических конфликтов. Часто происходящая трансформация этнополитического конфликта в конфликт идентичностей означает расширение базы и усложнение путей его урегулирования.

Россия в настоящее время переживает очередной виток политизации этничности, что повышает вероятность возникновения этнополитических конфликтов. Этот процесс начался в середине 2018 г. и показал глубину политизации этничности в современном российском обществе. Доктринально оформленный курс российского государства на формирование российской гражданской идентичности, на укрепление интеграционных тенденций не получил пока устойчивой поддержки в научно-экспертной среде в регионах России, где сохраняются установки на дальнейшую этнизацию общества и политическое оформление этничности.

Список литературы

- Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А.* Федеративная демократия и единство многонациональной страны // Публичное и частное право. – 2014. – № 3 (23). – С. 7–18.
- Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – 262 с.

- Авксентьев В.А.* От этнического конфликта к конфликту идентичностей // Этнические проблемы современности: сборник статей / под ред. В.А. Авксентьева. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. – Вып. 8/9. – С. 3–10.
- Авксентьев В.А.* Идентификация этнического конфликта как проблема этноконсалтинга и этноконфликтологической экспертизы // Вестник Российской нации. – 2013. – № 5. – С. 88–103.
- Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д.* Рискогенные факторы в этнополитической сфере Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. – 2018. – № 4. – С. 81–91.
- Адиев А.З.* Представительство этнических групп в органах власти как фактор социально-политической стабильности на Северном Кавказе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2018. – № 4 (47). – С. 7–16.
- Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. – М.: Дело, 2008. – 471 с.
- Алиберов А.К.* Проблема формирования российской идентичности в культурно-сложных обществах Северного Кавказа (системно-коммуникационный дискурс) // Вестник Российской нации. – 2019. – № 1 (65). – С. 45–57.
- Астацатурова М.А.* Макрорегиональная этнополитология: некоторые обобщения в управленческом контексте // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2009. – № 3. – С. 112–121.
- Астацатурова М.А.* Проект российской гражданской идентичности в контексте нациестроительства: северокавказские проекции // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 22, № 6. – С. 23–29.
- Ачкасов В.А.* Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2013. – Т. 9, № 2. – С. 41–61.
- Ачкасов В.А.* Этнополитическая мобилизация: попытка концептуализации понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 81–89.
- Ачкасов В.А.* Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Политология. Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 37–43.
- Балибар Э.* Национальная форма: история и идеология // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / пер с фр. под ред. О. Никифорова, П. Хицкого. – М.: Логос, 2004. – С. 103–124.
- Брубейкер Р.* Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
- Бурдые П.* Политическая онтология Мартина Хайдеггера / пер. с фр. А. Бикбова. – М.: Праксис, 2003. – 256 с.
- Горшков М.К.* О гармонизации межэтнических отношений в пореформенной России: контекстуальный подход // Гуманитарий Юга России. – 2017. – № 2. – С. 14–25.
- Гринфельд Л.* Национализм. Пять путей к современности. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 527 с.
- Дробизева Л.М.* Гражданская российская идентичность: динамика и потенциал в консолидации полиэтничного общества // Этническое и религиозное много-

- образе России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 107–118.
- Калинина Е.Ю., Мухудадеев М.О., Сморгунова В.Ю.* Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей: кризис современного правосознания // Правозащитник. – 2017. – № 4. – С. 14.
- Козлов А.П.* Политические проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в регионе Северного Кавказа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. – 2017. – № 3. – С. 129–140. – DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676x-2017-3-129-140>
- Лапкин В.В., Пантин В.И.* Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 12. – С. 92–103. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-12-92-103>
- Лубский А.В., Посухова О.Ю.* Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России // Власть. – 2016. – № 8. – С. 39–48.
- Мурадов А.М., Алиева З.М.* Специфические особенности этнополитических конфликтов // Научно-практические исследования. – 2019. – № 8/5 (23). – С. 111–114.
- Нигматуллина Т.А.* Политизация этничности в условиях регионального федерализма // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2016. – № 3 (34). – С. 89–97.
- Паин Э., Федюнин С.* Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. – М.: Мысль, 2017. – 266 с.
- Реалии многоукладного региона: потенциал обновления и препятствия развитию: материалы расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН / под ред. Г.Г. Матишова. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 142 с.
- Романов А.А.* Исследование политизации этничности: методологический курс // Теория государства и права. – 2017. – № 2. – С. 47–56.
- Ротшильд Д.* Этнополитика // Этнос и политика: хрестоматия / автор-сост. А.А. Прусаускас. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – С. 162–165.
- Сампиев И.М.* От «гражданской нации» к имперскому проекту: метаморфозы официальной идеологии // Сборник научных трудов Ингушского государственного университета / отв. ред. А.А. Албогачиев. – Магас: ООО «Южный издательский дом», 2017. – С. 108–116.
- Семененко И.С.* Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 11. – С. 91–102.
- Сикевич З.В.* Этнический фактор в современном обществе // Вестник Российской нации. – 2014. – № 4 (36). – С. 93–107.
- Скворцов Н.Г.* Деструктивные последствия политизации этничности в России: энтропийное измерение // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 63–70.
- Султыгов А.-Х.А.* Этнополитические противоречия и формы их разрешения: исторический опыт и современные реалии. – М.: МАКС Пресс, 2006. – 265 с.

- Тишков В.А. Введение // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 5–10.
- Тишков В.А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения / отв. ред. Е.И. Степанов. – М.: ИС и ИЭА РАН, 1992. – Вып. 2, ч. I. – С. 20–31.
- Тишков В.А., Шаббаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. – М.: Изд-во Московского университета, 2011. – 376 с.
- Файзуллин Ф.С., Файзуллин Т.Ф. Этничность и этнонациональный потенциал развития общества // Вестник ВЭГУ. – 2014. – № 4 (72). – С. 140–147.
- Хунагов Р.Д., Шадже А.Ю., Куква Е.С. Инновационное управление регионом в контексте укрепления российской идентичности // Социологические исследования. – 2015. – № 3. – С. 127–132.
- Шаббаев Ю.П. Этнополитология и этнополитика в современной России: теория и политические практики // Человек. Культура. Образование. – 2015. – № 1 (15). – С. 92–131.
- Adediji A. The Politicization of ethnicity as source of conflict: The Nigerian situation (Globale Gesellschaft und internationale Beziehungen). – Wiesbaden: Springer VS, 2016. – 544 p.
- Becker M. Politicized identities and social movements // Latin American research review – 2018. – № 53 (1). – P. 202–210. – DOI: <https://doi.org/10.25222/larr.225>
- Bourdieu P. Language and symbolic power. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991. – 301 p.
- Bozic-Roberson A. The politicization of ethnicity as a prelude to ethno-political conflict: Croatia and Serbia in former Yugoslavia. – Michigan: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2001. – 272 p.
- Leach C.W., Brown L.M., Worden R.E. Ethnicity and identity politics // Encyclopedia of violence, peace, & conflict (second edition) / Kurtz L.R. (ed). – London: Academic Press, 2008. – P. 758–768.
- Glazer N., Moynihan D.P. Introduction. In: Ethnicity. Theory and experience / N. Glazer, D.P. Moynihan (eds). – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975. – P. 1–28.
- Gurr T. Why do minorities rebel? // Federalism against ethnicity? Institutional, legal and democratic instruments to prevent violent minority conflicts / G. Bächler (ed). – Zurich: Verlag Ruediger, 1997. – P. 8–10.
- Maksić A. Ethnic mobilization, violence, and the politics of affect. – Palgrave Macmillan, 2017. – 264 p.
- Posner D. Institutions and ethnic politics in Africa. – Cambridge: Cambridge university press, 2005. – 360 p.
- Pedersen D., Kienzler H. Ethnic conflict and public health // International encyclopedia of public health. – San Diego, CA: Academic Press, 2017. – Vol. 2. – P. 36–45.
- Rothschild J. Ethnopolitics: a conceptual framework. – New York: Columbia university press Rothschild, 1981. – 302 p.
- Weber A., Hiers W., Flesken A. Politicized ethnicity. Perspectives in comparative politics. – New York: Palgrave, 2016. – 187 p.

V.A. Avksentev, B.V. Aksiumov, G.D. Gritsenko*
Ethnicity in political conflicts:
ethnicization of politics and politicization of ethnicity

Abstract. The article analyzes the definitions and concepts of ethnopolitical conflict and its contradictory nature is shown. Ethnopolitical conflict can function and evolve as an “ethnized” political conflict and as a politically framed ethnic conflict. Being on the thin line between rational-political and irrational-ethnic regimes of existence, ethno-political conflicts, usually arising as conflicts of interests, as a product of ethnic entrepreneurship, most often drift towards a conflict of identities. That is why ethnopolitical conflicts are among the most intractable types of conflicts, some of them turn into protracted conflicts and are destructive in their manifestations and consequences. The article studies risk-related aspects of the interaction of ethnic and political factors of social development, leading to the ethnicization of politics and politicization of ethnicity, and it is shown that the politicization of ethnicity is a prerequisite and one of the most important factors in the genesis of ethnopolitical conflicts. The process of politicization of ethnicity is caused by ethnopolitical tension objectively established in a particular society or region, but often the main factor of this process is the focused activity of ethnic entrepreneurs, who use conditions, favorable for them, or deliberately increase the level of tension. The article discusses the theoretical and methodological aspects of the politicization of ethnicity and ethnicization of politics, analyzes the main scholarly approaches to studying the phenomenon of politicization of ethnicity and its impact on social processes. Most authors mainly accentuate the negative consequences of the politicization of ethnicity, although some researchers point to the functionality of ethnicity in regional political systems where there are long-standing and strong traditions of combining politics and ethnicity.

Keywords: ethnopolitical conflict; politicization of ethnicity; ethnicization of politics; conflict of identities; ethnic entrepreneurs; conflict management.

For citation: Avksentev V.A., Aksiumov B.V., Gritsenko G.D. Ethnicity in political conflicts: ethnicization of politics and politicization of ethnicity. *Political science (RU)*. 2020. N 3, P. 74–97. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>

References

Abdulatipov R.G., Mikhailov V.A. Federative democracy and the unity of a multinational country. *Public and private law*. 2014, N 3 (23), P. 7–18. (In Russ.)

* **Avksentev Viktor**, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of The Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia), e-mail: avksentiev@rambler.ru; **Aksiumov Boris**, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia), e-mail: aksbor@mail.ru; **Gritsenko Galina**, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of The Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia), e-mail: dissovet@rambler.ru

- Achkasov V.A. Ethnic and political conflict as a result of the ethnicization of social problems. *Political expertise: POLITEX*. 2013, Vol. 9, N 2, P. 41–61. (In Russ.)
- Achkasov V.A. Ethnopolitical mobilization: an attempt to conceptualize the concept. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy. Culture Studies. Political science*. Law. International Relations. 2014, N 3, P. 81–89. (In Russ.)
- Achkasov V.A. Ethnopolitical conflict as a conflict of identities. *Vestnik of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy. Culture Studies. Political science. Law. International Relations*. 2015, N 1, P. 37–43. (In Russ.)
- Adediji A. *The Politicization of ethnicity as source of conflict: The Nigerian situation (Globale Gesellschaft und internationale Beziehungen)*. Wiesbaden: Springer VS, 2016, 544 p.
- Adiev A.Z. Representation of ethnic groups in government as a factor in socio-political stability in the North Caucasus. *Ojkumena. Regional Researches*. 2018, N 4 (47), P. 7–16. (In Russ.)
- Aklaev A.R. *Ethnopolitical conflictology: analysis and management*. Moscow: Business, 2008, 471 p. (In Russ.)
- Alikberov A.K. The problem of the formation of Russian identity in culturally complex societies in the North Caucasus (system-communication discourse). *Bulletin of Russian Nation*. 2019, N 1 (65), P. 45–57. (In Russ.)
- Astvatsaturova M.A. Macro-regional ethnopolitology: some generalizations in a managerial context. *State and Municipal Administration. Scholar Notes of SKAGS*. 2009, N 3, P. 112–121. (In Russ.)
- Astvatsaturova M.A. The project of Russian civil identity in the context of nation-building: North Caucasian projections. *Humanitarian of the South of Russia*. 2016, Vol. 22, N 6, P. 23–29. (In Russ.)
- Avksentev V.A. *Ethnic conflictology: in search of a scientific paradigm*. Stavropol: Publishing House of Stavropol State University, 2001, 262 p. (In Russ.)
- Avksentev V.A. From ethnic conflict to conflict of identities. In: *Ethnic Issues of the Present*: Collection of articles. V.A. Avksentev (ed). Stavropol: Publishing House of Stavropol State University, 2003, Vol. 8, 9, P. 3–10. (In Russ.)
- Avksentev V.A. Identification of ethnic conflict as a problem of ethnoconsulting and ethnoconflictological expertise. *Bulletin of Russian nation*. 2013, N 5, P. 88–103. (In Russ.)
- Avksentev V.A., Gritsenko G.D. Risk factors and situations in the ethnopolitical sphere of the North Caucasus. *Scientific Thought of the Caucasus*. 2018, N 4, P. 81–91. (In Russ.)
- Balibar E. National form: history and ideology. In: Balibar E., Waller-Stein I. *Race, nation, class. Ambiguous Identities*. O. Nikiforov, P. Hitsky (transl. eds). Moscow: Logos, 2004, P. 103–124. (In Russ.)
- Becker M. Politicized identities and social movements. *Latin American Research Review*. 2018, N 53(1), P. 202–210. DOI: <https://doi.org/10.25222/larr.225>
- Bourdieu P. *Language and symbolic power*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991, 301 p.
- Bourdieu P. *Political ontology of Martin Heidegger*. Trans. from Fr. A. Bikbova. Moscow: Praxis, 2003, 256 p. (In Russ.)

- Bozic-Roberson A. *The politicization of ethnicity as a prelude to ethno-political conflict: Croatia and Serbia in former Yugoslavia*. Michigan: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2001, 272 p.
- Brubaker R. *Ethnicity without groups*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012, 408 p. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. Civil Russian identity: dynamics and potential in the consolidation of a multiethnic society. In: Tishkov V.A., Stepanov V.V. (eds). *Ethnic and religious diversity of Russia*. Moscow: IEA RAS, 2018, P. 107–118. (In Russ.)
- Fayzullin F.S., Fayzullin T.F. Ethnicity and the ethno-national potential of the development of society. *Vestnik VEGU*. 2014, N 4 (72), P. 140–147. (In Russ.)
- Hunagov R.D., Shadzhe A. Yu., Kukva E.S. Innovative regional management in the context of Russia identity strengthening. *Sociological Studies*. 2015, N 3, P. 127–132. (In Russ.)
- Glazer N., Moynihan D.P. Introduction. In: Glazer N., Moynihan D.P. (eds). *Ethnicity. Theory and experience*. Cambridge: Mass.: Harvard University Press, 1975, P. 1–28.
- Gorshkov M.K. The harmonization of interethnic relations in the post-reform Russia: context approach. *Humanitarian of the South of Russia*, 2017, N 2, P. 14–25. (In Russ.)
- Greenfeld L. *Nationalism. Five paths to the present*. Moscow: PER SE, 2008, 527 p. (In Russ.)
- Gurr T. Why do minorities rebel? In: Bächler G. (ed). *Federalism against ethnicity? Institutional, legal and democratic instruments to prevent violent minority conflicts*. Zurich: Verlag Ruediger, 1997, P. 8–10.
- Kalinina E. Yu., Mukhadadayev M.O., Smorgunova V. Yu. Ethnopolitical conflict as a conflict of identities: a crisis of modern legal awareness. *Pravozashchitnik*. 2017, N 4, P. 14. (In Russ.)
- Kozlov A.P. Political problems of ensuring the national security of the Russian Federation in the North Caucasus region. *Bulletin of the Moscow State Regional University (History and Political Science)*. 2017, N 3, P. 129–140. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676x-2017-3-129-140> (In Russ.)
- Lapkin V.V., Pantin V.I. Ethnopolitical conflicts in the post-Soviet space: the role of foreign policy factors. *World Economy and International Relations*. 2016, Vol. 60, N 12, P. 92–103. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-12-92-103> (In Russ.)
- Leach C.W., Brown L.M., Worden R.E. Ethnicity and identity politics. In: Kurtz L.R. (ed). *Encyclopedia of Violence, Peace, & Conflict* (Second Edition). London: Academic Press. 2008. P. 758–768.
- Lubsky A.V., Posukhova O. Yu. Nation-building projects and models of national integration in Russia. *Vlast'*. 2016, N 8, P. 39–48. (In Russ.)
- Matishov G.G. (ed). *The realities of a multi-layered region: the potential for renewal and obstacles to development: materials of an enlarged meeting of the Scientific Council of the ISERHSSC RAS*. Rostov-on-Don, February 7, 2012. Rostov-on-Don: Publishing House of the SSC RAS, 2012, 142 p. (In Russ.)
- Maksić A. *Ethnic mobilization, violence, and the politics of affect*. Palgrave Macmillan, 2017, 264 p.

- Muradov A.M., Aliyeva Z.M. Specific features of ethno-political conflicts. *Nauchno-prakticheskiye issledovaniya*. 2019, N 8–5 (23), P. 111–114. (In Russ.)
- Nigmatullina T.A. The politicization of ethnicity in the conditions of regional federalism. *Questions of National and Federative Relations*. 2016, N 3 (34), P. 89–97. (In Russ.)
- Pain E., Fedyunin S. *Nation and democracy: prospects for managing cultural diversity*. Moscow: Thought, 2017, 266 p. (In Russ.)
- Pedersen D., Kienzler H. Ethnic conflict and public health. In: *International Encyclopedia of Public Health*. San Diego, CA: Academic Press, 2017, Vol. 2, P. 36–45.
- Posner D. *Institutions and ethnic politics in Africa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, 360 p.
- Romanov A.A. The study of the politicization of ethnicity: a methodological course. *Russian Journal of Theory of State and Law*. 2017, N 2, P. 47–56. (In Russ.)
- Rothschild D. Ethnopolitics. In: *Ethnos and politics: anthology*. A.A. Prazuaskas (auth.–comp). Moscow: Publishing House of URAO, 2000, P. 162–165. (In Russ.)
- Rothschild J. *Ethnopolitics: A conceptual framework*. New York: Columbia University Press Rothschild, 1981, 302 p.
- Sampiev I.M. From the “civil nation” to the imperial project: metamorphoses of official ideology. In: Albogachiev A.A. (ed). *Collection of scientific works of the Ingush State University*. Magas: Southern Publishing House, 2017, P. 108–116. (In Russ.)
- Semenenko I.S. Nation, nationalism, national identity: new foreshortenings of scientific discourse. *World economy and international relations*. 2015, N 11, P. 91–102. (In Russ.)
- Shabaev Yu.P. Ethnopolitology and ethnopolitics in modern Russia: theory and political practices. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye*. 2015, N 1 (15), P. 92–131. (In Russ.)
- Sikevich Z.V. Ethnic factor in modern society. *Bulletin of the Russian Nation*. 2014, N 4 (36), P. 93–107. (In Russ.)
- Skvortsov N.G. The destructive consequences of the politicization of ethnicity in Russia: the entropy dimension. *Humanitarian of the South of Russia*. 2017, T. 6, N 4, P. 63–70. (In Russ.)
- Sultigov A.-Kh.A. *Ethnopolitical contradictions and forms of their resolution: historical experience and modern realities*. Moscow: MAKSS Press, 2006, 265 p. (In Russ.)
- Tishkov V.A. Ethnic conflict in the context of social theories. In: *Social conflicts: expertise, forecasting, resolution technologies*. E.I. Stepanov (ed). Moscow: IS and IEA RAS, Vol. 2. Part I, 1992, P. 20–31. (In Russ.)
- Tishkov V.A. Introduction. In: Tishkov V.A., Stepanov V.V. (eds). *Ethnic and religious diversity of Russia*. Moscow: IEA RAS, 2018, P. 5–10. (In Russ.)
- Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. *Ethnopolitology: the political functions of ethnicity*. Moscow: Moscow University Press, 2011, 376 p. (In Russ.)
- Weber A., Hiers W., Flesken A. *Politicized ethnicity. Perspectives in comparative politics*. New York: Palgrave, 2016, 187 p.